

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕТОПИСЬ

НАРОДНАЯ ВОЙНА

ВОЙНА, НАРОДЪ И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

НАШЕ общественное развитіе совершалось подъ знаменемъ служенія народу. Любовь къ народу воодушевляла нашу интеллигенцію и нашу литературу. Заботы объ облегченіи народной тяготы, о благѣ народа направляли дѣятельность нашей интеллигенціи, отдававшей этому дѣлу беззаветно и безоглядно. Пришла война; нежданнымъ силой брошенъ нашъ народъ на арену мировой войны; безумное нападеніе врага вынуждаетъ народъ къ защитѣ. И на границахъ нашей земли борется наша армія—самое лучшее народное представительство изъ всѣхъ, что были до сихъ поръ въ Россіи. Эта армія должна сломить упорство врага и обезпечить достойное существованіе нашей родины.

Интеллигенція остается вѣрной своему старому знамени, вѣрной завѣтамъ своихъ духовныхъ вождей. Служеніе воинствующему народу, содѣйствіе къ достиженію стоящихъ передъ нимъ ратныхъ дѣлей, вотъ та истинно демократическая задача, которая раскрыта теперь передъ нашей интеллигенціей. Не только матеріальнаго содѣйствія, матеріальной помощи требуетъ воинствующій народъ—такое требованіе наименѣе обременительно для духа,—но поддержки духовной, создаваемой увѣренностью въ полномъ сліяніи надеждъ мирнаго населенія и чаяній русскаго войска. Интеллигенція русская, не останавливавшаяся никогда передъ самыми дорогими жертвами, не разъ отдававшая жизни лучшихъ своихъ сыновъ, не можетъ и не должна остановиться и передъ жертвой духа, которая вызывается основнымъ фактомъ—пріятіемъ войны.

Всѣ способности своего духа, всю свою энергію должна исчерпать русская интеллигенція для того, чтобы помочь вождѣвной дѣлѣ русскаго воинства—побѣдѣ. Ни «предразсужденія» мирнаго времени, ни «перспективы» будущаго, которыя, возникая въ сознаніи интеллигенціи, пугаютъ ее, не должны имѣть мѣста въ мотивахъ ея дѣятельности. Воинствующій народъ одушевленъ желаніемъ побѣды, и интеллигенція должна употребить всѣ свои усилія къ тому, чтобы это одушевленіе росло непрерывно и становилось все болѣе и болѣе энтузіастическимъ.

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№ 2.

ПЕТРОГРАДЪ.

9 НОЯБРЯ 1914 г.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ПИСЬМА О ВОЙНѢ.

О ГЕРМАНЦАХЪ. **Ч**ТО бы ни говорили о германцахъ, необходимо признать во всякомъ случаѣ, что это сильные люди.

Это необходимо признать, чтобы не ставить самихъ себя въ смѣшное положеніе. Достаточно австрійцевъ. Постоянные рассказы объ австрійской трусости, анекдоты объ ихъ готовности цѣлыми стадами сдаваться въ плѣнъ, всяческое умаленіе ихъ силы, вплоть до утвержденія, что у каждаго австрійца приготовленъ за голенищемъ бѣлый флагъ для сдачи,—отнюдь не служатъ къ увеличенію славы нашего оружія, какъ то думаютъ наивные рассказчики. Одно уже количество жертвъ, понесенныхъ нами въ Галиціи, показываетъ съ убѣдительною ясностью, что австрійскіе солдаты такіе же солдаты, какъ и другіе, что австрійскія пули и снаряды обладаютъ не меньшей способностью убивать, чѣмъ наши. И мнѣ гораздо больше нравятся правдивые рассказы о томъ, какъ австрійскіе гусары выходили въ бой, не ища прикрытія, плечомъ къ плечу, со стройностью и спокойствіемъ парадирующихъ; какъ даже ихъ батареи въ началѣ войны, пока ихъ дѣйствительно не коснулась паника, устанавливались съ гордостью на самыхъ открытыхъ мѣстахъ.

И германцы очень сильные люди,—это необходимо признать, иначе самая война потеряетъ не только моральное оправданіе свое, но и всякій разумный смыслъ; впрочемъ, даже и наивные рассказчики дурного тона не рѣшаются ставить ихъ въ рядъ съ австрійцами. Сами стратегическія ошибки германцевъ—ошибки сильныхъ и, какъ всякая сила, чрезвычайно самоувѣренныхъ людей. Конечно, они не ожидали такого сопротивленія со стороны маленькой Бельгіи, но встрѣтивъ его—они не повернули назадъ. Конечно, имъ было выгодно сохранить мирныя отношенія съ Англіей, съ надеждою впоследствии слопать ее безо всякой помѣхи—но и тутъ, въ вопросѣ о нейтралитетѣ Бельгіи, какъ «casus belli», они пошли напроломъ. Напроломъ идутъ они въ сраженіи: густыми рядами, и опять-таки не ища прикрытія, что удо-

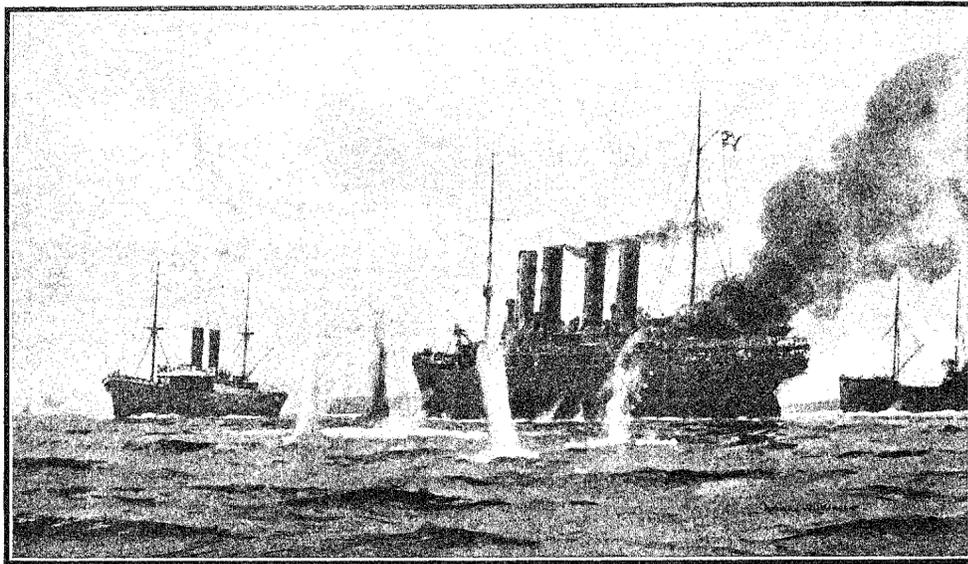
стоиваютъ и французы и англичане; не да- ромъ хвалили ихъ англичане и на морѣ. Самая жестокость ихъ, безпримѣрная наглость и даже своеобразная грація, съ которой нарушаютъ они всѣ законы божескіе и человѣческіе, ихъ прославленный вандализмъ—отнюдь не показатели слабости; если вѣрить газетамъ, они пристрѣвливаютъ и своихъ тяжело-раненыхъ: тутъ нужна очень твердая рука (и, конечно, безумная рука, но объ этомъ потомъ). Наконецъ, самое соотношеніе силъ: шесть государствъ, среди которыхъ четыре великихъ державы, противъ Германіи и Австріи, и при всемъ томъ такая трудность одолѣть ихъ, снова и снова выдвигаютъ германцевъ, какъ огромную и даже страшную силу. «Конечно, наши войска внушаютъ вамъ ужасъ»—ушавался Гауптманъ самодовольствомъ и гордостью; но если здѣсь и есть преувеличеніе, то все же надо признать: германцы очень сильные люди.

II.

НО признавъ эту силу—необходимо до послѣдняго издыханія бороться съ нею и твердо помнить, что пораженіе наше будетъ почти катастрофою для всего цивилизованнаго міра.

Ибо, сколько не являла намъ исторія образцовъ силы, Атиллы и Чингизъ-хановъ, гунновъ и татаръ, Наполеона и Цезаря—еще никогда свѣтъ не видалъ такой глупой и вредной силы, какъ сила германская.

И напрасно тревожатъ ихъ кровавую тѣнь, чтобы укорить и посрамить Вильгельма II; и Тамерланъ, и Аттила были скромными дѣтьми, почти что шагунами рядомъ съ германскимъ императоромъ; ихъ страшныя орды были въ крайнемъ случаѣ не страшнѣе саранчи, у которой нѣтъ ни ума ни глупости, а одна только прожорливость и сила несмѣтности. Но саранчу всегда удавалось остановить человѣчеству, да наконецъ она и сама издыхала, насытившись и не имѣя смысла въ дальнѣйшемъ существованіи; но вотъ попробуйте остановить пятидесятиmillionный домъ сумасшед-

ГИБЕЛЬ «ИМПЕРАТОРА ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕЛИКАГО».

Германскій пароходъ «Императоръ Вильгельмъ Великій» былъ потопленъ англійскимъ крейсеромъ «Хайфлайеръ». Докторъ Дикъ, врачъ Новозеландскаго парохода «Кайнара» былъ очевидцемъ боя, и по его эскизу сдѣланъ настоящій рисунокъ.

НАСТОЯЩАЯ міровая война впервые охватила собою всѣ стѣны. Земля, вода, воздухъ, огонь—все это служитъ интересамъ войны. Достаточно вспомнить картину того боя, который происходилъ на берегахъ рѣки Изера, чтобы вполне иллюстрировать только что высказанную мысль. Войны, какъ кроны, роются въ землѣ. Летчики содѣйствуютъ успѣху артиллерійскаго огня своимъ безстрашнымъ пареніемъ въ воздухѣ. Англо-французскій флотъ поддерживалъ союзниковъ съ моря—обстрѣливая со своихъ судовъ германцевъ, и нанося имъ жестокое поражение. Германскія подвод-

ныя лодки, погружившись въ пѣна океана, стремились снизу нанести удары англо-французскимъ военнымъ судамъ. Не останавливаясь въ этомъ очеркѣ на интересныхъ вопросахъ подземной и воздушной войны, мы скажемъ нѣсколько словъ о той роли, какую сыграли море и флотъ въ эту величайшую изъ всѣхъ бывшихъ когда бы то ни было войнъ.

Съ перваго момента вступленія Англии въ ряды воюющихъ державъ ея могучій флотъ парализовалъ всю торговлю Германіи. Всѣ германскіе порты Сѣвернаго моря были блокированы. Подвозъ

сихъ, который наконецъ сломалъ рѣшетки и стѣны и всей своей оголѣлой, взбудораженной и, вдобавокъ, великолѣпно вооруженной массой ринулся на міръ. Это будетъ похуже гунновъ и пострашнѣ саранчи!

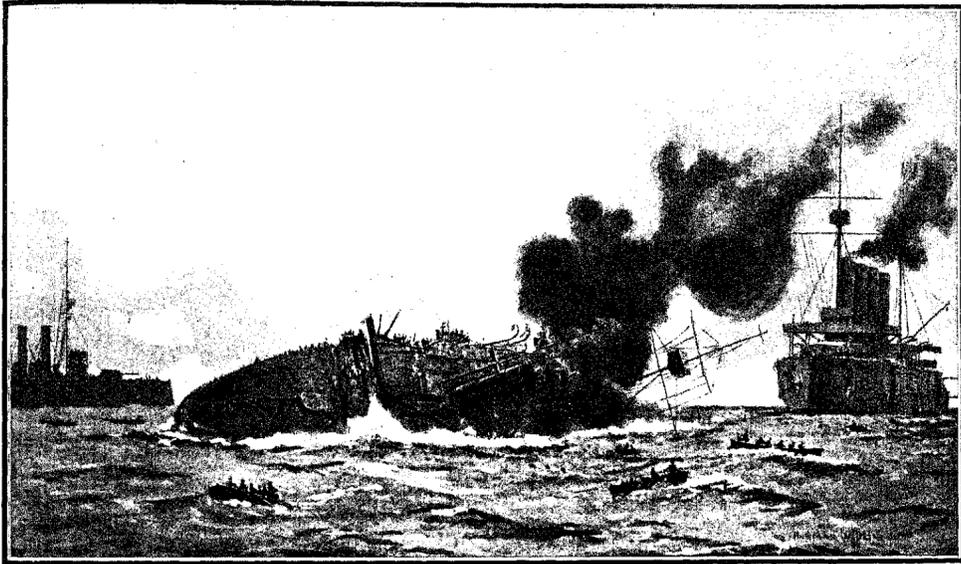
Я не стану говорить о такъ называемой германской культурѣ. Всѣмъ извѣстно, что у нихъ превосходныя дороги, замѣчательные начальники станцій и чистота въ вагонахъ, огромное количество чудесныхъ автомобилей, цепепилны, орудія Круппа, солидный на англійскую ногу флотъ, сильная наука, образцовыя издательства и книжная ярмарка въ Лейпцигѣ, прямыя улицы безъ сору и Вертхаймъ. Всѣмъ извѣстно, что съ 71-го года ихъ промышленность возросла во столько-то, а коммерція на столько-то, а армія еще на столько-то, а с. д. еще на столько-то,—все это извѣстно и все это ни въ малѣйшей степени не служитъ къ разрѣшенію вопроса о сущности теперешняго германизма. Наоборотъ, скорѣе даже путаетъ. Какимъ образомъ такая культура привела къ такимъ результатамъ, какъ убійство дѣтей, сожженіе Лувенской библіотеки и разрушеніе Реймскаго собора?

И тотъ, кто вѣритъ въ эту ихнюю культуру,

въ ихъ социаль-демократію, въ ихніе вагоны и образцовыя патентованныя клозеты, тѣ должны были безмѣрно удивиться, отказаться отъ пониманія, иногда просто-напросто не вѣрить: не можетъ быть! Да они и удивлялись, и среди нашихъ возвращавшихся изъ Германіи туристовъ и больныхъ, облитыхъ до послѣдней нитки германскимъ хамствомъ, было не столько несчастныхъ людей, сколько удивленныхъ; очень часто самое удивленіе это и было несчастьемъ, какъ всякое неожиданное и горькое разочарованіе. Удивляются они и теперь, и что ни день, то больше: какъ совмѣстить такую культуру и...Реймскій соборъ? Еще кое-какъ можно было понять, когда кондукторъ толкалъ въ шею русскаго туриста или кто-то прусскій гоголемъ оскорбительно смотрѣлъ на русскаго мирнаго профессора и поплевывалъ ему на сапоги—это было раздраженіе. Но Лувенъ? Но Реймскій соборъ?

III.

И сколько ни говорить о культурѣ ихней, даже о милитаризмѣ,—нельзя понять ни Лувена, ни всей этой войны, ни истинной германской силы, если не разобраться въ психологическомъ осно-

ГИБЕЛЬ «АБУКИРА».

Английскій крейсеръ «Абукиръ» погибъ отъ мины, пущенной германскою подводной лодкой.

жизненныхъ продуктовъ въ Германию прекратились. Подъ прикрытiемъ военнаго флота союзниковъ были стянуты со всѣхъ странъ свѣта войска на поля Марны. Сюда были доставлены моремъ сенегальскiе стрѣлки, и зуавы, и индусы, и марокканды. Все это было выполнено морскими путями, подъ прикрытiемъ военнаго флота. Но это—задачи не боевыя, это задачи—стратегическо-административнаго характера. Боевая дѣятельность флота воюющихъ сторонъ проявилась въ полной мѣрѣ на всѣхъ моряхъ и океанахъ. Первый крупный морской бой англійскаго и германскаго флота

произошелъ у Гельголанда. Тутъ впервые похрились силами двѣ морскія державы. Съ этихъ поръ начинается рядъ морскихъ боевъ, причемъ бои эти можно раздѣлить на двѣ категорiи. Это—открытый бой на поверхности воды и скрытый бой подъ водою. Если ужасенъ морской бой, въ которомъ принимаютъ участiе нѣсколько гигантскихъ военныхъ судовъ, осыпающихъ другъ друга дѣльмиъ градомъ смертоносныхъ снарядовъ, зажигающихъ и взрывающихъ бронированныя суда, (такъ на прилагаемомъ рисункѣ мы видимъ гибель германскаго парохода «Императоръ Вильгельмъ Великий», который

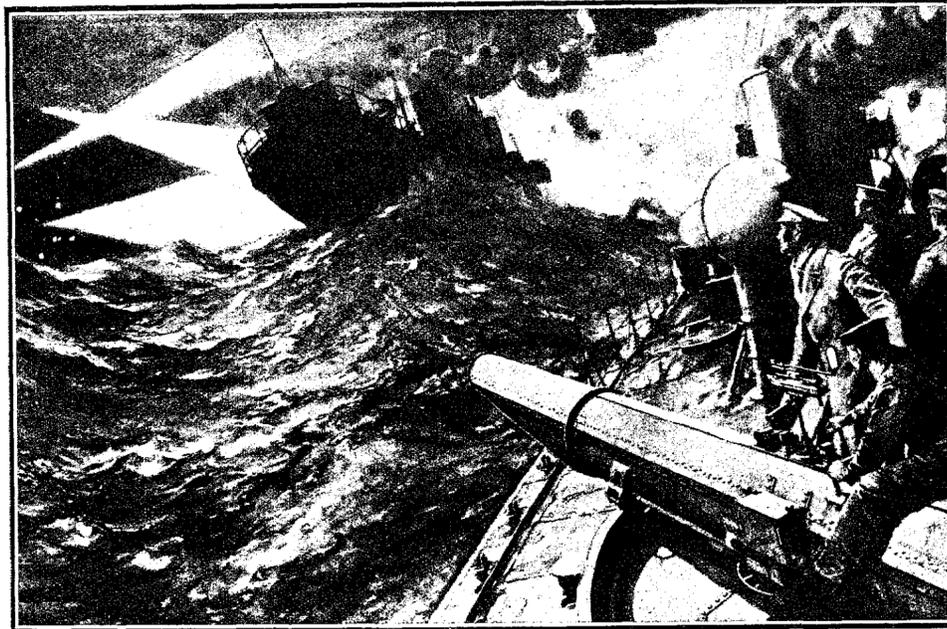
ванiи германизма. Именно о современномъ, сегодняшнемъ германцѣ я говорю, а отнюдь не о Шиллерѣ и другихъ славныхъ покойникахъ, которые мирно почиваютъ въ гробахъ своихъ, не подозревая, какое огромное свинство разыгрывается всенародно на ихъ тихомъ кладбищѣ. Они были, и когда нибудь снова вернутся на свою обновленную родину, но сейчасъ даже гроба ихъ мнѣ кажутся пустыми!

Чтобы понять нѣмца, надо представить себѣ человека, который совершенно искренне и беззаветно чувствуетъ себя лучше всѣхъ. Не то, чтобы думаетъ, что онъ лучше, или считаетъ или доказываетъ, но всѣмъ нутромъ своимъ, всѣмъ своимъ сознательнымъ и бессознательнымъ чувствуетъ себя лучше всѣхъ; и не лучше кого-нибудь въ отдѣльности, а лучше всѣхъ, какiе жили и какiе живутъ на землѣ: въ этомъ смыслѣ и Шиллера, коего онъ въ душѣ немного презираетъ. Намъ, русскимъ, склоннымъ къ самочувствiю прямо противоположному и всѣмъ понуримъ видомъ своимъ вѣчно извиняющимся въ самомъ своемъ существованiи, такое чувство почти что непонятно; но его надо вообразить, ибо оно есть, оно фактъ, оно въ основѣ всей нынѣшней войны.

Если вслушаться въ то, что въ послѣднiя десятилѣтiя кричала миру Германiя, протягивая ему кулакъ, то вотъ оно въ вольномъ переводѣ на русскiй языкъ:

— Смотрите на этотъ германскiй кулакъ, о народы Европы и прочiя низшiя расы и народы, трепещите, восторгайтесь и умиляйтесь. Въ немъ, въ этомъ единомъ кулакѣ, я держу и лучшаго на свѣтѣ Кайзера и лучшую социаль-демократiю. Лучшую гуманность и лучшiя орудiя Круппа! Лучшую науку и лучшаго штурмана! Лучшую свободу и образовѣннiя тюрьмы! Лучшихъ художниковъ, лучшiе автомобили, лучшую армию, самаго лучшаго Ангела Мира, лучшiй языкъ—все самое лучшее!

Но она не только это кричала—она это чувствовала каждымъ атомомъ своего пятидесяти-миллионнаго тѣла, начиная отъ Кайзера, уже требовавшаго себѣ божескихъ почестей, и кончая социаль-демократомъ, который для своей персоны скромно жаждалъ того же. И оттого они такъ чудесно уживались рядомъ, лучшiй Кайзеръ и лучшая социаль-демократiя, и оттого они и на войну съ миромъ пошли вмѣстѣ, хотя вернуться имъ предстоитъ по совсѣмъ разнымъ дорогамъ.

Германскій миноносець, обнаруженный прожекторами въ тотъ моментъ, когда онъ готовился къ минной атакѣ.

былъ потопленъ англійскимъ крейсеромъ «Хайфлаеръ»), то какъ ужасенъ долженъ быть бой при участіи подводныхъ лодокъ, незаметно подплывающихъ къ судну и однимъ ударомъ мины уничтожающихъ его вмѣстѣ со всѣмъ его экипажемъ, какъ было напр. съ нашей несчастной «Паладой» и англійскимъ крейсеромъ «Абукиръ». Кромѣ этихъ честныхъ боевъ настоящая война ознаменовалась рядомъ коварныхъ и безчестныхъ выступленій германскихъ и турецкихъ судовъ, совершавшихъ недопустимыя никакими нормами международнаго права нападенія на противника подъ чужимъ

флагомъ, какъ это было при нападеніи крейсера «Эмденъ» у береговъ Пенанга, на нашъ погибшій крейсеръ «Жемчугъ», и какъ это было при разбойномъ нападеніи до объявленія войны псевдо-турецкими крейсерами «Гебенъ» и «Бреслау» на наше беззащитное черноморское побережье.

Въ заключеніе нельзя не указать на то, что въ настоящую мировую войну морскія операціи играютъ громадную роль и оказываютъ существенную поддержку сухопутнымъ операціямъ воюющихъ сторонъ.

Г. П.

Да, это было бы чудовищное ослѣпленіе, даже смѣшное, если бы оно не подходило такъ близко къ массовому безумію, если бы за нимъ не стояла огромная матеріальная сила штыковъ и пулеметовъ. Это было бы жалкое ослѣпленіе, если бы въ безуміи самодовольства своего они не черпали ту колоссальную и страшную духовную силу, силу своеобразнаго экстаза, которая даже художничеству сумасшедшему даетъ возможность бороться съ десяткомъ сторожей.

Чувствовать себя наилучшимъ, значить чувствовать себя и самымъ сильнымъ; а чувствовать себя сильнымъ—это на три четверти быть имъ, такъ скажетъ всякій психіатръ. Если же при этомъ быть въ составѣ пяти милліоновъ вооруженныхъ солдатъ, опираться на превосходную механическую культуру, передвигаться по лучшимъ дорогамъ на изумительно-мощныхъ автомобиляхъ, носить безукоризненно чистенькій мундирчикъ и ѣсть шоколадъ, то чувство самосилы пріобрѣтаетъ нѣкоторую и реальную основу. И мнѣ легко представить себѣ Вильгельма, когда онъ на одномъ изъ крейсеровъ своихъ въ ночные часы бесѣ-

дуетъ о мощи и будущаго великихъ судьбахъ милой Пруссіи-Германіи: и подъ нимъ, стоящимъ на рубкѣ, и на немъ, одѣтомъ съ безукоризненностью прусскаго добротнаго щегольства, и вокругъ него все полно очаровательной и строгой гармоніи и силы. Четко работаютъ гигантскія машины; мощнымъ стальнымъ носомъ твердо рѣжутся безтолковыя волны; всѣ часы идутъ согласно, минута въ минуту; какъ рычаги и колеса однихъ часовъ, согласно и неуклонно движутся командующіе, исполняющіе, смотрящіе, управляющіе. Не встрѣчая никакихъ препятствій, даже обыкновеннаго тренія, его единая воля передается какъ бы непосредственно въ желѣзо и сталь корабля, въ кровь и мускулы команды, въ гигантскія точки печей; онъ самъ—этотъ крейсеръ, эти покорныя волны, эта сталь и желѣзо, эти смиренныя звѣзды, плывущія вмѣстѣ съ кораблемъ!

А дальше, въ его мечтахъ, такой же стройной и согласованной, желѣзной и въ то же время покорной, прекрасно одѣтой и безконечно счастливой встаетъ сама Германія. Какъ тутъ не чув-

ствовать себя самым лучшим? Кто знает,—может быть и къ противнымъ социаль-демократамъ въ эту минуту онъ чувствуетъ нѣжность: вѣдь, и они—часть его имущества и притомъ какая замѣчательная: самый лучший социаль-демократъ на свѣтѣ! Верховный посетитель германскаго самодовольства, безумнѣйшій изъ всѣхъ безумныхъ, онъ даже съ нѣкоторой кротостью дѣлать землю на участки, отбирая себѣ лучшіе, мечтательно заглядывается на звѣзды, не безъ надежды и тамъ учредить прусскую гегемонію.

Представьте себѣ такое самочувствіе, искреннее, какъ смѣхъ дурака, и вы безъ большого труда разгадаете тайну германскаго нашествия на Европу, ихъ политику и дипломатію, ихъ стратегію и тактику.

До сихъ поръ они увѣряютъ, что не они напали на Европу, а Европа безстыдно возстала на нихъ, и я вполне допускаю, что они и сами этому искренне вѣрятъ. Но какъ напала Европа? А такъ, что по какимъ-то своимъ соображеніямъ не захотѣла признать ихъ самыми лучшими. Развѣ это не нападеніе? До сихъ поръ они удивляются, что Бельгія отказалась отъ чести пропустить ихъ черезъ свои границы, не хотѣя вѣрить, чтобы Англія и вправду придавала какое-нибудь значеніе клочку бумаги о нейтралитетѣ Бельгіи, развѣ сами они его отбранили; до сихъ поръ еще грезятъ небывалыми побѣдами и не чувствуютъ, какъ уже приближается къ нимъ самое лучшее отчаяніе. И какіе могутъ быть разговоры о международномъ правѣ, когда народъ всего одинъ: германскій, и никакого «между» просто-напросто не можетъ существовать! Германія надо всѣмъ—развѣ этимъ еще недостаточно сказано?

Въ своемъ искреннемъ самообожаніи они поднимаются порой до высокаго экстаза, опаснаго, какъ величественный бредъ маньяка. Когда всею массою, «не лица прикрытій», идутъ они на смерть, они и смерть ощущаютъ, какъ безсмертіе. Для всѣхъ это смерть, но для нихъ, избраннаго самимъ Богомъ нѣмецкаго народа, это безсмертіе, это новая жизнь въ новомъ нѣмецкомъ отечествѣ, какимъ давно признали они небо. Если имъ сказать, что на этомъ небѣ они могутъ встрѣтить француза, они просто не повѣрятъ; въ крайнемъ случаѣ, для французовъ есть какое-нибудь другое небо,

но какую отчаянную силу можетъ развить такая увѣренность, для которой и сама смерть представляется пустякомъ, личной собственностью, чѣмъ-то въ родѣ начальника станціи на узловомъ пути!

Когда-то въ «Орлеанской Дѣвѣ» нѣмецъ Шиллеръ далъ трагедію борьбы за отечество и гибель во имя его; и это отечество было Франціею. Но уже давно германецъ пересталъ понимать, что можетъ быть какое-нибудь другое отечество, кромѣ германскаго; и просто невозможно представить себѣ, что какой-либо современный германскій писатель можетъ создать такую вещь, въ

Бельгійскія женщины, не имѣя возможности выѣхать изъ Бельгіи, обращаются къ приближающимся съ просьбами о помощи.

которой французы умирали бы за свое, русскіе за свое, англичане за свое отечество. И если имъ сказать, что мы умираемъ за Россію, они также этому не повѣрятъ, ибо всѣ понятія о великихъ дѣлностяхъ сузились, какъ линіи пирамиды къ вершинѣ ея, гдѣ остались только нѣмецъ и Богъ. Не этой переоцѣнки дѣлностей ожидалъ отъ своихъ учениковъ Ницше, но опять-таки извѣстна та роковая особенность, что ни у кого не бываетъ такихъ глупыхъ учениковъ, какъ у нѣмецкаго педагога. Очень возможно, что и ницшевскаго сверхчеловѣка они напялили на себя, не чувствуя и не замѣчая, какъ они дико смѣшны и кошунственно ужасны въ этомъ платьѣ съ воистину барскаго плеча!

Вѣнская «Neue Freie Presse», не оправдываясь въ сожженіи Рубенса, погибшаго среди многихъ сокровищъ въ огнѣ германскаго экстаза, обвиняя во всемъ почему-то Францію и Англію, которыя захотѣли воевать и теперь не должны жаловаться, ставитъ такой изумительный вопросъ: а если бы англичане бомбардировали Гамбургъ, развѣ они пощадили бы гранитную статую Бисмарка? Я лично имѣлъ своеобразное удовольствіе видѣть это каменное безобразіе, гдѣ Бисмаркъ стилизованъ до степени ужасающаго духовнаго нищенства. Но это все равно: пусть бы онъ былъ изваянь совсѣмъ

тѣльно они думаютъ такъ: пусть соборъ разрушенъ, но плакать отъ этого нечего: вѣдь, существуетъ же Потсдамскій дворецъ, самый лучшій готическій Вертхеймъ и многія другія замѣчательныя вещи, неопущенные до сихъ поръ только по тупости. Наконецъ, если мы уничтожили Реймскій соборъ и сожгли книги въ Лувенѣ, и вамъ всего этого добра жаль, мы, нѣмцы, готовы вознаградить культурный міръ: мы построимъ соборъ еще лучше и книги напишемъ еще умнѣе. Мы, германцы, пишемъ книги! Мы, германцы, строимъ, творимъ и созидаемъ! Мы, германцы, имѣемъ самаго лучшаго Кайзера и самую лучшую социаль-демократію!...

Несчастный, безсильный Маринетти, пылкій итальянецъ съ громоносной рѣчью! Ему суждено только мечтать, а исполнять призывы германцы. Онъ проклиналъ развратную Венецію и желалъ провалиться ей въ тартарары, но самъ и фриза не тронулъ на Паллацо Дукале, а австрійцы когда-то съ величайшей простотою жарили по Венеціи бомбами, и только потому, что они австрійцы, вѣчно обреченные на неудачу,

Бельгійская тяжелая крѣпостная артиллерія въ дѣйствиіи.

хорошо—сравнивать его съ произведеніями Рубенса можетъ только тотъ, кто себя и все свое считаетъ самымъ лучшимъ. И главное здѣсь даже не въ томъ, что памятникъ есть произведеніе искусства, а въ томъ, что онъ изображаетъ Бисмарка, великаго прусскаго человѣка, которому, по ихъ непреложному чувству, долженъ поклоняться весь міръ. Въ глубинѣ души они, вѣдь, увѣрены, что и французы тайно молятся Бисмарку—тайно, потому что явно имъ не позволяеть этого ихъ смѣшной французскій патриотизмъ.

И когда нѣмцы разрушаютъ Реймскій соборъ, они—страшно сказать!—дѣлаютъ это съ совершенно спокойной и чистой совѣстью. Приблизи-

миръ, Маринетти съ громоносной кротостью мечталъ о разрушеніи музеевъ, и вотъ пришелъ германецъ и съ гениальной простотою культурнаго и разумнаго существа поджегъ Лувенскій музей «со всѣхъ четырехъ концовъ».

Кто же онъ, этотъ германецъ? Футуристъ? Для футуриста онъ слишкомъ красенъ и толстъ, слишкомъ неподвиженъ и тяжелъ,—а футуристы народъ хлипкій и по преимуществу худой; для футуриста онъ слишкомъ любитъ тяжелое нѣмецкое пиво и цѣнуетъ отвращеніе къ искусству...

Нѣтъ, онъ не футуристъ. Онъ просто «самый лучшій человѣкъ».

Леонидъ Андреевъ.

СТИХИ ФЕДОРА СОЛОГУБА.

ВОСТОРГИ СЛЕЗЪ.

Вошла, вздыхая, въ свѣтлый храмъ,
Устало стала на колѣни.
Звучали царскія ступени,
Синѣлъ отраднѣйшимъ,

Горѣли предъ Распятѣемъ свѣчи,
И благостно глядѣлъ Христосъ.
Не общалъ онъ съ мильмъ встрѣчи,
Но угѣшалъ восторгомъ слезъ.

И Онъ терпѣлъ за раной рану,
И былъ безумными убитъ.
Я битъ головой не стану
О тихій холодъ темныхъ плитъ.

Стояла долго, и молилась,
Склонившись у пронженныхъ ногъ.
Тоска въ покорность претворилась.
Да будетъ такъ, какъ хочетъ Богъ.

ВЪ ЛАЗАРЕТѢ.

Вынесъ я дикую тряску
Трудныхъ дорогъ.
Сдѣлали мнѣ перевязку,
Я изнемогъ.

Стѣны вокругъ меня стали,
Съ тьмою слиты,
Очи твои засіяли,—
Здѣсь, милосердная, ты.

Въ тихомъ забвеніи жизни,
За и страстей,
Радъ я вернуться къ отчизнѣ
Вѣчной моей.

Но отъ меня заслоня
Муку и зной,
Тихой улыбкой сіяя,
Ты предо мной.

Тихо шепнула три слова:
«Ты не умрешь».
Сердце повѣрить готово
Въ нѣжную ложь.

Могила французскаго солдата, на полѣ сраженія. Его товарищи вторично, за неимѣніемъ другаго матеріала, соорудили крестъ изъ походныхъ жестянокъ, и, вмѣсто вѣнка, возложили на крестъ кепи и шарфъ.

НОЧНОЙ ПРИКАЗЪ.

Шагъ за шагомъ, осторожно
Я въ поляхъ чужихъ иду,—
Все тревожно, все возможно,
Все въ туманѣ и въ бреду.

Росы холодны и бѣлы,
Дремны росные кусты.
Всѣ забылся предѣлы
Пустоты и суеты.

Нѣтъ въ душѣ иной заботы,
Какъ, найдя укрытый лазъ,
Принести въ другія роты
Мнѣ довѣренный приказъ.

ВЪ ЗАВОЕВАННОМЪ ГОРОДѢ ЛЬВОВѢ.

Г. П. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

КОГДА И КАКЪ КОНЧИТСЯ

Конецъ Вислянской битвы.
О КОНЧИЛОСЬ титаническое Ви-
 слянское сраженіе, начавшееся

наступленіемъ германо-австрійскихъ войскъ на Варшаву. Въ настоящей моментъ противникъ отброшенъ за предѣлы Россіи. На всѣхъ фронтахъ противникъ отступилъ за черту границы, и наши войска, преслѣдуя его, вступили въ предѣлы непріятельской территоріи. Уже не остается ни одного непріятельскаго отряда на землѣ Царства Польскаго.

Сѣверная, восточно-прусская группа германскихъ войскъ отбѣдена съ двухъ фронтовъ. Наши войска изъ Сувалкской губерніи отбросили ее къ западу, изъ Плоцкой же губерніи къ сѣверу. На фронтѣ Торнѣ—Краковѣ германскія войска отступили, первоначально задерживаясь на естественныхъ преградахъ. Они старались задержать наше наступленіе на переправахъ, въ селеніяхъ, у Львова и т. д., но потомъ мало-по-малу ихъ боевая энергія ослабѣвала, натискъ нашихъ войскъ дѣлался все стремительнѣе и стремительнѣе, и германцы стали отступать безъ всякаго сопротивленія. Они не задерживались даже на заранѣе подготовленныхъ оборонительныхъ позиціяхъ. Они отсту-

ВОЙНА?

пили отъ линіи рѣки Варты—прекрасной оборонительной позиціи. Они не задержались даже на заблаговременно укрѣпленной позиціи, надъ созданіемъ которой они работали въ теченіе полутора мѣся-

ца, эта позиція по линіи Капшицъ—Ченстоховъ. Указанная позиція по своимъ естественнымъ топографическимъ свойствамъ уже сама по себѣ представляла большія удобства и выгоды для веденія оборонительнаго боя. На этой позиціи германскія войска могли бы на довольно продолжительное время приостановить наше вступленіе въ предѣлы Пруссіи, но они отступили.

Наступавшая совмѣстно съ германцами австрійская армія, дойдя Львовымъ своимъ крыломъ до Радомъ, окончательно порвала связь съ союзниками. Германскія войска, входившія въ составъ этой арміи, въ Радомѣ отдѣлились отъ своихъ союзниковъ и пошли на Петроковъ, бросивъ австрійцевъ на произволъ судьбы. Эта сравнительно небольшая группа австрійскихъ войскъ, оторвавшись отъ всей остальной своей арміи, оперировавшей на Санѣ и къ югу отъ Перемышля, бросилась спасаться въ свою крѣпость Краковъ, преслѣдуемая нашими войсками, которыя постоянно безпо-

ЛЬВОВЪ—ЦИТАДЕЛЬ.

конца аррьергарды. Произошел ряд боев на путях отступления этой армии; наиболее значительные из них были на путях к Кракову у рѣки Мержавы, Ниды и Нидицы. Во всѣхъ этихъ бояхъ наши войска шли тактической удачей и отбросили противника къ юго-западу. Наши войска приближаются къ австрійской крѣпости Кракову. Другая болѣе крупная группа австрійскихъ войскъ, оперировавшая на Санѣ и къ югу отъ Перемышля, послѣ занятія нашими войсками Сандомира и прорыва австрійской оборонительной линіи на лѣвомъ берегу Сана между двумя опорными ихъ пунктами Ниско и Рудникъ, принуждена была начать отступление по всему фронту. Если бы австрійцы не начали этого отступления, то намъ грозили бы неслыханныя бѣдствія. Занявъ Сандомиръ, наши войска зашли въ тылъ ихъ лѣваго крыла, занявъ районъ Ниско—Рудникъ и отрѣзали ихъ лѣвое крыло отъ всей остальной массы. Австрійцамъ оставалось только одно—поспѣшно отступать. Но куда отступать? Отступать на западъ, на соединеніе съ первой группой австрійскихъ войскъ—это значитъ совершать очень тяжелый и опасный отступательный фланговый маршъ, имѣя съ сѣвера наши войска, поэтому австрійцы рѣшили отступать на югъ, т. е. сдѣлать то, къ чему раньше направлены были всѣ наши стремленія. Наши войска все время стремились къ тому, чтобы натискомъ съ сѣвера отбросить австрійцевъ на югъ, разобщивъ ихъ, такимъ образомъ, съ арміей, отступающей къ Кракову. И это удалось. Врагъ отброшенъ на югъ, законченъ первый періодъ

войны. Начинается новый періодъ, и нашимъ войскамъ предстоитъ перейти къ новымъ задачамъ.

Въ чемъ же будутъ заключаться эти новые задачи.

Пораженіе, нанесенное германо-австрійскимъ войскамъ подъ Варшавой, отступление ихъ за предѣлы Россіи—это новый шагъ, приближающій насъ къ окончанію мировой войны. Въ чемъ будутъ состоять наши новые задачи въ настоящее время, конечно, не представляется возможнымъ сказать. Это покажетъ ближайшее будущее, но разсматривая дѣйствія нашего противника, мы видимъ, съ одной стороны, что онъ отходитъ къ линіи своихъ крѣпостей, съ другой стороны, что онъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сосредоточить на своемъ восточномъ фронтѣ возможно большее количество своихъ свободныхъ вооруженныхъ силъ, не исключая даже тѣхъ, которыя не могутъ имѣть прямого боевого значенія. Это указываетъ на то, что противникъ нашъ, повидимому, рѣшилъ стать передъ барьеромъ своихъ крѣпостей и грудью своей закрыть всѣ проходы, ведущіе въглубь страны. Закрыть всѣ тѣ свободные промежутки, которые въ настоящее время не укрѣплены фортификационными сооружениями. Исходя изъ этого положенія противника, мы можемъ предполагать, что если противникъ рѣшилъ обороняться, наша задача сведется къ тому, чтобы на него напасть и такъ—новый періодъ войны будетъ характеризоваться нашими наступательными дѣйствіями.

ГРАЖДАНЕ, ПОМНИТЕ О СОЛДАТЪ!

ГРАЖДАНЕ, ПОМНИТЕ О ТѢХЪ ВЕЛИКИХЪ РАТНЫХЪ ТРУДАХЪ, КОТОРЫЕ НЕСЕТЪ СЕЙЧАСЪ НАШЪ СОЛДАТЪ; НЕ ЗАБЫВАЙТЕ НИ НА МИНУТУ, ЧТО ОНЪ ОХРАНЯЕТЪ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО РОДИНЫ И ВАШУ ЖИЗНЬ И ВАШЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ.

ГРАЖДАНЕ, ВСѢМИ ВАШИМИ СРЕДСТВАМИ ОКАЖИТЕ СОЛДАТУ ПОМОЩЬ — И НЕ ТОЛЬКО МАТЕРИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ, НО И МОРАЛЬНУЮ. СДѢЛАЙТЕ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ КЪ ТОМУ, ЧТОБЫ РАЗВИТЬ И УСИЛИТЬ ЭНЕРГИЮ И ГЕРОЙСКИЙ ДУХЪ, ВОДУШЕВЛЯЮЩЕ ВОЙСКА.

ГРАЖДАНЕ, ПОМНИТЕ, ЧТО НѢТЬ ЖЕРТВЪ, ПЕРЕДЪ КОТОРЫМИ МОЖНО БЫЛО БЫ ОСТАНОВИТЬСЯ, ЕСЛИ ЭТИХЪ ЖЕРТВЪ ТРЕБУЕТЪ ЗАЩИТА РОДИНЫ И НАША ПОВѢДА.

Одновременно, съ началомъ новаго періода войны на германскомъ фронтѣ, началась война на турецкомъ фронтѣ. Подстрекаемые германцами, чувствуящими свое безсиліе передъ натискомъ русскихъ войскъ, съ одной стороны, и упорнымъ сопротивленіемъ союзныхъ армій, съ другой стороны, германская политика проводила открытіе Турціей военныхъ дѣйствій противъ Россіи, вслѣдствіе чего началась война Турціи противъ Россіи, Франціи и Англіи.

Германская политика совместно съ германскими офицерами, находившимися на турецкой службѣ, рѣшила путемъ обмана турецкаго правительства и турецкой арміи совершить нападеніе на русское побережье Чернаго моря якобы

которой сосредоточена вся турецкая армія. На путяхъ къ Эрзеруму находится сильная по своимъ естественнымъ свойствамъ позиція Кебри-Кей. Эту позицію наши войска заняли и отбросили занимавшія ее войска къ Эрзеруму. Такой быстрый успѣхъ нашихъ войскъ исполнилъ турокъ, и они рѣшили во что бы то ни стало отбить эту позицію у насъ, и вотъ они двинули двѣ свои дивизіи, подъ прикрытіемъ сильныхъ частей курдской кавалеріи навстрѣчу нашимъ войскамъ. Эти части атаковали насъ на Кебрикейскихъ позиціяхъ, упорно лѣзли по каменистымъ скатамъ позицій, неоднократно сбивались нашими войсками внизъ, снова лѣзли, проявляя необычайное мужество. Однако, когда наша казачья артиллерія, выйдя въ тылъ турокъ, открыла огонь, и они очутились подъ перекрестнымъ огнемъ артиллеріи

Отъ собств. фотографіи «Отечество».

Ш А Р А З В Ъ Д К Ъ.

потому, что Россія уже объявила войну Турціи и сама совершила нападеніе на турецкій маневрирующій флотъ. Псевдотурецкіе крейсера «Гебенъ» и «Бреслау», прикрытая русскимъ флагомъ, подошли къ незащищеннымъ городамъ нашего Черноморскаго побережья и начали обстрѣльвать. Такой поступокъ нейтральной державы вызвалъ съ нашей стороны необходимость открытія военныхъ дѣйствій. Наши войска были двинуты въ Закавказье къ турецкой границѣ, получилъ приказъ перейти эту границу и вторгнуться въ турецкіе предѣлы. Разными дорогами двинулись наши колонны въ Турцію и почти одновременно вышли на «Персидскій транзитъ» — шоссеиный трактъ, идущій отъ Трапезонды черезъ Эрзерумъ, Балзетъ на Тавризмъ. Тутъ наши войска овладѣли съ боя цѣлымъ рядомъ турецкихъ селеній, разсѣли курдскую кавалерію, взяли бывшую турецкую крѣпость Балзетъ и направились къ крѣпости Эрзерумъ, у

и пѣхоты, упорство ихъ было сломлено и они принуждены были отступить. Занявъ позицію Кебри-Кей наши войска находятся въ двухъ переходахъ отъ Эрзерума. Такого положеніе дѣлъ на сухопутномъ театрѣ войны. Не менѣе усилены дѣйствія на моряхъ противъ турокъ.

Союзный англо-французскій флотъ въ самомъ началѣ войны съ Турціей сталъ появляться у Малоазійскихъ береговъ Турціи. Онъ появился впервые близъ острова Хиоса, въ виду Чесменской бухты. Это произвело такое удручающее впечатлѣніе на стоящую тамъ турецкую канонерку, что командиръ ея взорвалъ въвренное ему судно и потопилъ его. Затѣмъ союзный флотъ появился передъ Дарданеллами и началъ бомбардировку Дарданельскихъ укрѣпленій, а англійскій крейсеръ «Минерва» появился у Аравійскихъ береговъ Турціи и сбѣлялъ десантъ въ порту Акаба. Русскій же

флотъ въ Черномъ морѣ подошелъ къ турецкому порту Сангудагъ, обстрѣлялъ его и потопилъ 4 турецкихъ транспорта. Сангудагъ лежитъ въ 150 верстахъ къ востоку отъ Константинополя на Малоазійскомъ берегу и является единственнымъ угольнымъ складомъ Турціи. Отсюда шгтается каменнымъ углемъ вся Турція. Весь турецкій флотъ запасается углемъ въ этомъ порту. Этотъ то портъ наши военные суда и обстрѣляли, нанеся, такимъ образомъ, Турціи громадныя потери. Возникшая на грани двухъ периодовъ войны противъ двойственнаго союза турецкая война приблизитъ развязку міровой войны. Помимо того, она наконецъ то разрѣ-

равно, какъ и островъ Кипръ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что только что началась война, а Турція уже утратила громадныя свои владѣнія. Африканской Турціи уже окончательно не существуетъ, и уничтоженъ суверенитетъ турецкаго султана надъ Египтомъ. Германцы рассчитывали, что съ началомъ Турецкой войны всѣмъ мусульманскимъ міромъ будетъ поднято зеленое знамя пророка и начнется священная война мусульманъ противъ гяуровъ. Расчеты германцевъ не оправдались. Ихъ политикѣ былъ нанесенъ ударъ, но за послѣдніе дни нанесенъ былъ жестокой ударъ точно также и въ колониальной системѣ.—

Съ войны.

Отъ собств. фотоар. «Отечествен.»

БРАТСКАЯ МОГИЛА.

шить въковой споръ Россіи съ Турціей о проливѣхъ, она откроетъ Россіи выходъ изъ Чернаго моря и окончательно рѣшитъ восточный вопросъ. Турція своимъ выступленіемъ прелѣшила вопросъ своего существованія, какъ европейской державы. Теперь Турціи приходится хуже, чѣмъ Германіи. Германія ведетъ войну на два фронта, Турціи приходится вести войну не только на два фронта, но ей приходится вести войну въ двухъ различныхъ частяхъ свѣта, а кромѣ того и на моряхъ, имѣя базу свою въ Константинополѣ—въ третьей части свѣта. Мы уже указывали о военныхъ дѣйствіяхъ турокъ въ Малой Азій; желая нанести Англіи сильный ударъ германская политика бросила турецкія войска въ Африку, въ Египетъ, гдѣ они должны бороться съ англійскими силами на берегахъ Нила. Съ началомъ турецкой войны, Египетъ окончательно потерялъ Турціей и аннексированъ Англіей,

Японцами взята германская крѣпость на Дальнемъ Востокѣ Циндао.

Съ занятіемъ Циндао оканчиваются японскія операціи въ Тихомъ Океанѣ. Японія положила конецъ германскому вліянію на Дальнемъ Востокѣ. Съ паденіемъ Циндао уничтожена послѣдняя германская колонія. Это ударъ всей германской колониальной политикѣ, развивавшейся въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ. У Германіи теперь уже не остается ничего маломальски существеннаго и важнаго въ другихъ частяхъ свѣта, кромѣ Европы. Въ Европѣ она еще сильна, въ Европѣ она еще можетъ бороться противъ союзниковъ, но уже приближается тотъ моментъ, когда силы ея начнутъ истощаться и когда ей волею или неволею придется подумать о своемъ экономическомъ благоосостояніи, сильно подорванномъ войной.

Г. Григорьевичъ.

НѢМЦЫ ВЪ ПЛЪНУ.

С. ЗНАМЕНСКІЙ.

ВЪ ПЛЪНУ У НѢМЦЕВЪ.

(ROSTOCK IN MECKLENBURG).

КАКЪ-ТО странно послѣ болѣе чѣмъ двухъвѣчнаго плѣна снова сидѣть у себя въ кабинетѣ, среди книгъ и бумагъ, и набрасывать настоящіе строки. Несмотря на массу новыхъ впечатлѣній, память еще ясно сохраняетъ пережитое, но острота пережитаго уже притупилась, отчего надбѣсь избѣгать преувеличеній, какими такъ богаты рассказы про наше ростокское сидѣніе. Однако и оставшихся дѣйствительныхъ фактовъ будетъ достаточно...

Живо расуется мнѣ воскресенье 20-го іюля, когда стало извѣстно объ объявленіи Германіей войны Россіи. По Берлину и предмѣстьямъ разыпанься полицейскіе, разыскивая русскихъ по квартирамъ и отелямъ. Арестованныхъ свозятъ въ берлинское градоначальство, гдѣ полиція не утруждаетъ себя бесѣдой съ каждымъ въ отдѣльности: когда наберется достаточная толпа, всѣхъ огуломъ читается лавочное постановленіе, что всѣ они подлежатъ выселенію изъ Берлина, Пруссіи и Германіи; кто до 12 часовъ сѣдующаго дня еще окажется въ Берлинѣ, съ тѣмъ будетъ поступлено по законамъ военнаго времени. Полиція указывала, что какъ 20-го, такъ и 21-го іюля для выѣзда дороги на Данію и Швецію свободны. Обращеніе полицейскихъ съ самаго начала не было вѣжливымъ, къ ночи же оно стало грубымъ. Въ участкахъ кое-гдѣ даже начали бить русскихъ, а толпа уже днемъ гонимая за русскими, осмыала ихъ ругательствами, надбѣвалась, грозилась и мѣстами избивала. Такъ откликнулись берлинцы на офиціозное приглашеніе помогать правительству въ дѣлѣ поминъ шпіоновъ.

Вду 21-го іюля съ поѣздомъ 8 ч. 49 м. утра. Уже нѣтъ такой давки, какъ наканунѣ, когда въ куле набивалось по 15—20 человекъ, когда стояли по всѣмъ уборнымъ, и занявшіе мѣста нерѣдко втаскивали знакомыхъ въ окошки; но русскихъ ѣдетъ все же масса. Когда поѣздъ тронулся, всѣхъ охватило радостное чувство. Потерявшіеся мытарствѣ по полицейскимъ участкамъ, обруганные толпой, избитые,—всѣ были увѣрены, что черезъ 4 часа они будутъ на датскомъ пароходѣ и надолго оставить одиночную Германію. Даже не приходило въ голову, что эту мирную толпу могутъ гдѣ-нибудь задержать.

«Alle Russen g'aus!» со злостью кричатъ по вагонамъ кондукторы, когда поѣздъ подходитъ къ промежуточной станціи Neustre-Bitz. «Alle Russen g'aus!» неся рѣзкій голосъ офицера съ перомъ. Насъ окружаютъ солдаты съ ружьями на перевѣсѣ, и полицмейстеръ объявляетъ, что насъ подвергнуть обыску. Въ публикѣ паника, такъ какъ кто-то пустилъ слухъ, что насъ ведутъ на разстрѣлье. Идемъ среди озлобленной толпы... Насъ человекъ 300—350. Много женщинъ, дѣтей, больныхъ. Всѣ сами тащатъ свой багажъ. Вотъ одинъ положилъ свою пошу на панель. Изъ толпы кто-то указалъ на него съ крикомъ: «шпіонъ». На подозрѣннаго набрасываются солдаты, валятъ его на землю и бьютъ. Начинается общій обыскъ.

Шарятъ въ нашихъ карманахъ и вещахъ, но конечно ничего опаснаго не находятъ. Начальство нѣсколько сконфузжено, но объ извѣщеніи предъ нами нѣтъ и рѣчи. Дается разрѣшеніе ѣхать дальше и обѣщаютъ, что теперь мы безпрепятственно поберемся до границы.

Пассажирскій поѣздъ тапется медленно, но все же воть и Ростокъ, откуда до моря лишь 15 минутъ ѣзды. Но снова крикъ: «Alle Russen g'aus!» и разбиты наши мечты. Сильно выпившій офицеръ объявляетъ, что въ Ростокѣ всѣ будутъ задержаны, старикамъ же и женщинамъ дается 5 минутъ на размышленіе, желаютъ ли они ѣхать дальше или остаются со всѣми. На наше заявленіе, что намъ въ Берлинѣ и въ Нейстрелицѣ обѣщанъ свободный выѣздъ за границу, сѣбдуетъ рѣзкій отвѣтъ: «Für mich ist es ganz gleich! Hier Rostock». Поднимается суматоха. Какъ въ 5 минутъ рѣшиться на что-нибудь, когда одни члены семьи могутъ ѣхать, а другіе должны остаться? Узнатыхъ общіе напорты, общій багажъ. Съ кѣмъ отправитъ дѣтей или больныхъ стариковъ? Но для лейтенанта это то же «ganz gleich!». Черезъ 5 минутъ поѣздъ отходитъ. Кто-то успѣлъ вскопчить, кто-то остался. Крики, плачь...

Окруженные солдатами, идемъ болше получаса по городу среди ростокцевъ, сбѣжавшихъ посмотрѣть на захваченныхъ русскихъ шпіоновъ. Первая добыча побѣдоноснаго нѣмецкаго воинства! Въ этакій колоннѣ женщины и дѣти, а кругомъ солдаты съ ружьями. Въ отведенномъ для насъ помѣщеніи встрѣчаемся съ русскими, выбавшимъ изъ Берлина съ поѣздомъ 8 ч. 19 м. утра. Съ ними было еще хуже. Ихъ остановили на промежуточной станціи въ Güstrow. Находившійся здѣсь ростокскій комендантъ фонъ-Тресковъ при арестѣ кричалъ солдатамъ, что они могутъ отнимать у русскихъ деньги и стрѣлять въ нихъ. Снова обыскъ. Ничего не нашамъ; часть задержали, но большинство отпустили и даже сдѣдали въ паспортахъ помѣтки, что для выѣзда изъ Германіи препятствій нѣтъ. Тѣхъ не менѣе отпущенныхъ задержали въ Ростокѣ. Даже старикамъ и женщинамъ не предложили ѣхать дальше.

Такъ началось наше болше чѣмъ двухъвѣчное ростокское сидѣніе. Насъ не только задержали въ Германіи, хотя до границы было не болше четверти часа ѣзды и сообщеніе съ Даніей не прекращалось, но и взяли подъ стражу. Мы стали военно-плѣнными. Сперва держали въ царской школѣ, потомъ помѣстили въ загородные рестораны. Кого только здѣсь не оказалось! Отъ князей и графовъ до рабочихъ,—жнецовъ. Очень много больныхъ изъ нѣмецкихъ и австрійскихъ курортовъ. Однихъ туберкулезныхъ около 30, много съ порокомъ сердца, съ астмой, съ болѣзнями кишечника и почекъ. Нѣсколько беременных женщинъ. Очень много дѣтей.

Въ народной школѣ разбѣтились по 40—50 ч. въ классѣ. Спали на солодѣ на полу. Три недѣли почти не раздѣвались, такъ какъ вѣстѣ были мужчины и женщины. Изъ-за недостатка мѣста лежать приходилось споланку. Больные переживались со злостью, дѣти со взрослыми. Ходили по солодѣ, на которой спали. Спиза на ней же, ѣли и пили. Особенно скверно было съ уборными. Ихъ было мало, отчего онѣ вѣчно были загрязнены. Въ ресторанѣ Belle-Vue, въ большой залѣ для насъ были уже устроены трехъэтажныя нары. Но сдѣланы онѣ были на скорую руку, и черезъ два дня часть ихъ, гдѣ спало до 60 ч., рухнула и ушибла нѣ-

скольких. Пришлось кунуть самым больше солидных гвоздей и укрѣпить связи новыми распорами. Черезъ недѣлю насъ перевели въ другой загородный ресторанъ—Kaisergraviion. Громадный деревянный павильонъ со сплошною стеклянною стѣной, безъ каменнаго фундамента. Сыро и холодно! Чтобы по возможности не спать на полу, на паркахъ разбѣгались такъ, что лежали плечо къ плечу.

Пища соответствовала помещенію. Въ народной школѣ давали угорь какое-то пойло, подѣлили кофе и кусокъ хлѣба съ маргариномъ; днемъ сулъ съ намеками на мясо, по безъ хлѣба; вечеромъ тоже кофе съ тѣмъ же маргариномъ. Въ Belle-Vue стали кормить лучше, но въ Kaisergraviion'ѣ опять хуже. Тутъ насъ пришлось отвѣдать и черной. Ихъ мы нашли однажды на выданномъ намъ суновомъ мясѣ. Завалили протестъ коменданту. Тогда каждый день сталъ приходить для ревизій на кухню военный фельдшеръ, что, впрочемъ, не помѣняло намъ слова найти червей, па этотъ разъ въ рисѣ.

За содержаніе съ насъ взыскивалось, при чемъ начальство было не прочь обратить насъ въ доходную статью. Первые три недѣли съ насъ брали по 3 марки въ сутки, хотя въ городѣ хорошая комната съ хорошимъ же пансіономъ стоила 2½ м., а мы платили за уголь съ соломой и бурду! Потомъ плату понизили до 1½ м. У кого денегъ не было, тѣхъ содержали на счетъ казны, но всячески старались даже съ немощныхъ выжать последние гроши. То угнали тяжелыми обязательными работами, то просто обыскивали кошелекы и карманы, а то за содержаніе немощныхъ заставляли платить тѣхъ, у кого было хоть что-нибудь. Такъ, условіемъ отпуща стариковъ и женщинъ было поставлено, что они уплачиваютъ долги несостоятельныхъ. Пришлось собирать послѣднее и платить! Когда для кого-либо приходили деньги изъ Россіи, изъ нихъ сперва вычитали долгъ за содержаніе и лишь остатокъ выдавали получателю. Напр., одинъ изъ насъ изъ 100 м. получилъ только 2. За вазною граблями и другіе. Такъ торговцы, у которыхъ мы могли покупать на свои деньги, все продавали по вздутымъ цѣнамъ.

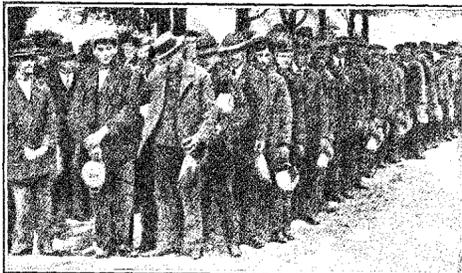
Однако, все это мелочи по сравненію съ зависимостью отъ грубой военщины, какую мы чувствовали на каждомъ шагѣ. Чего было и ждать, когда нашимъ высшимъ начальствомъ былъ упомянутый выше фонъ-Тресковъ, а затѣмъ полковникъ Фабертъ, популярный старикъ. Для иллюстраціи приведу, во что обратилъ забывавший нами лейтенантъ Виккерсъ нашъ переѣздъ изъ пародной школы въ ресторанъ Belle-Vue. Сперва насъ всѣхъ съ женщинами и дѣтми протрясли выстроившимися подъ ливнемъ, хотя рядомъ былъ большой пустой залъ. Солдатамъ было приказано на нашихъ глазахъ зарядить ружья боевыми патронами, и В. кричалъ, что будутъ стрѣлять при малѣйшемъ неповиновеніи. Для багажа намъ было предоставлено за грабительскую цѣну въ 150 м. двѣ подводы, и при нагрузкѣ многое было переломано. Такъ какъ къ нашему приходу новое помещеніе оказалось неготовымъ, насъ приказали сидѣть въ небольшомъ саду, и когда кто-то немного выдвинулся впередъ, В. сталъ кричать солдатамъ: «Бейте русскихъ собакъ приказами по головамъ, теперь время военное!» Онъ же все время отпущалъ грубыя шуточки по адресу нашихъ дамъ, подѣливалъ собравшихся около занавѣсокъ. Рядомъ стояло нѣсколько офицеровъ и хотя бы одинъ удержалъ зарвавшегося В. Понятно, какъ тотъ же В. исполнялъ обязанности цензора нашей корреспонденціи. Просто выбрасывалъ массу нашихъ писемъ и писемъ къ намъ, верѣно рвалъ ихъ на нашихъ глазахъ и издѣвался надъ содержателями.

За офицерами тянулись и власти помещичьи. Вотъ напр., одинъ изъ анжоловъ. Дежурилъ какъ-то унтеръ-офицеръ изъ студентовъ. Согласно инструкціи пришелъ насъ будить въ 6 часовъ утра. Нѣсколько продолжало лежать. Тогда онъ сталъ стаскивать съ насъ одеяла и обливать холодной водою изъ извнѣй кружки. Потомъ пошелъ въ женское отдѣленіе, гдѣ направился съ кружкой къ больной, лежавшей съ 40 градусами температуры, по его усилію схватить за руку. Оставаясь стоять среди полуобнаженныхъ женщинъ унтеръ кричалъ: «Пора намъ вставать, чтобы мужчины могли бѣгать за нами!» Противъ дѣйствій унтеръ-офицера мы подали жалобу коменданту Фаберу, но послѣдній оставилъ ее безъ разсмотрѣнія, прикрывъ такимъ образомъ своимъ авторитетомъ наглую выходку подчиненнаго.

Припоминается хлѣбъ еще и другое. Мимо ресторана, гдѣ мы жили, войска ходили на ученье, и каждый разъ, какъ солдаты поравняются съ нами, они загибали пѣсню: «Russen sind alle Verbrecher, ihr Land ist ein finsterliches Loch; Franzosen sind auch nicht besser, aber Dreschen bekommen sie doch». Солдаты издѣвались надъ нами хотя и знали, что лѣжные не могутъ отвѣтить. Современные рыцари...

Какъ прежде, такъ и теперь, я держусь мнѣнія, что на подобный режимъ намъ слѣдовало бы отвѣтить рѣзкимъ протестомъ, неопасаясь неизбежнаго конфликта. Но какъ было организовать такой протестъ, когда среди насъ преобладали типичные курортные гости, и было много больныхъ и дѣтей? Однако, нѣкоторую солидарность и организованность проявили и мы. Съ первыхъ же дней для веденія общихъ дѣлъ было образовано совѣтъ старости. Совѣтъ отъ имени всѣхъ сносился съ начальствомъ, подавалъ жалобы, руководилъ внутреннимъ распорядкомъ жизни. Была организована болѣе цѣлесообразная раздача пищи, устроены особыя обѣды для дѣтей, организованы ночныя дежурства на случай пожара, выхлопотано для дамъ разрѣшеніе въходить въ городъ, для больныхъ—особая комната. Когда части задержанныхъ было дано разрѣшеніе на выѣздъ въ Россію, совѣтомъ были организованы два транспорта стариковъ и больныхъ изъ Ростока прямо въ Швецію. Для поддержки не-

ВЪ ОЖИДАНИ БДЫ.

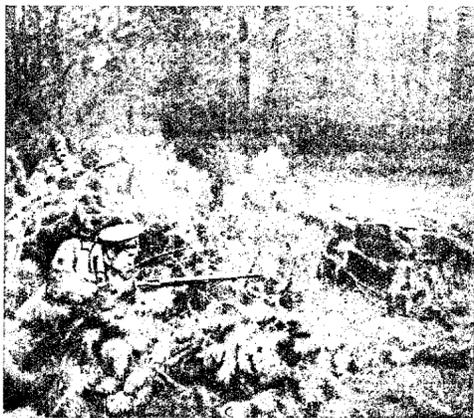
мощныхъ былъ образованъ такъ называемый «хлѣбный» фондъ, изъ пожертвованій болѣе состоятельныхъ. Сперва изъ фонда выдавался хлѣбъ въ добавленіе къ казенному недостаточному паюку. Когда же вслѣдъ разрѣшили жить въ городѣ на частныхъ квартирахъ и казна отказалась отъ выдачи русскихъ какого-либо содержанія, изъ фонда мы стали выдавать по 1 м. въ день на человека. За 1½ мѣсяца всего было израсходовано до 3.000 м.

Припомнилъ пережитое, сознавая, что нашимъ ростокскимъ сидѣльцамъ ибиди внесли нѣсколько лишнихъ позорныхъ строкъ въ исторію современной нѣмецкой культуры, а г.г. фонъ-Тресковъ, Фабертъ, Виккерсъ и пр. своимъ поведеніемъ наложили лишній пятна на и безъ того не блестящій чистотой нѣмецкой военной мушкетр. Впрочемъ назвать происшедшее своимъ извѣстемъ—дѣло исторіи, для меня же важно сейчасъ другое. Большинство изъ задержанныхъ въ Ростокѣ уже выѣхало въ Россію въ качествѣ или стариковъ или больныхъ. Однако, около 60 ч. не выпущено изъ негостеприимнаго Мекленбурга, какъ годные носить оружіе. Среди нихъ много несостоятельныхъ. Мнѣ бы и хотѣлось, чтобы настоящіе строки не только познакомили читателя съ пережитымъ нами, но и побудили его притти на помощь оставшимся въ плѣну. Пусть не знаютъ они хотя бы голодовокъ...

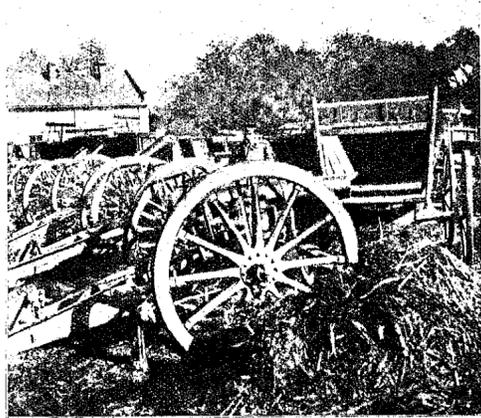
С. Знаменскій.

СЪ ВОЙНЫ.

(Фотографии собственноручно корреспондента. Перепечатки воспрещаются).

Запятья на войнѣ.

Австрійскія поляны гаубицы

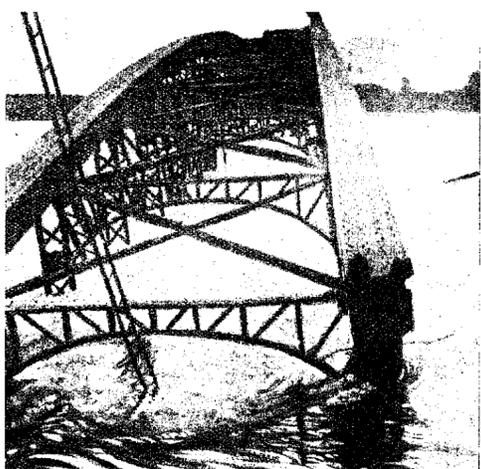
Военные корреспонденты на сѣв.-вост. фронтѣ.

На разбѣдѣ.

Запятья на войнѣ.

Взорванный мостъ черезъ Днѣстръ за ст. Хоржевъ.

БРАТСТВО НАРОДОВЪ.

Мы все еще не можем опомниться: неужели это правда, что мы так сиюминутно? Кто связал нас такой фантастической ниткой? Еще вчера мы до Бельгии не было ни малейшего дѣла, а сегодня ея боль—моя, и ея раны—мои. Городъ Брюссель сталъ внезапно роднымъ для миллионъ людей, которые никогда его не видали. И развѣ англичане для насъ—иностранцы? А французы развѣ не то же, что мы? Вотъ когда мы вѣистину стали citoyens du monde. Исчезли всѣ пространства и грани, и тотъ, кто еще вчера въ Озеркахъ, лежа на нескѣ, только и зналъ что свою купальную будку, теперь волнуется волненіями всего міра. Я слышала, какъ двѣ солдатки въ вагонѣ говорили о бельгийцахъ: «наши», и о французахъ говорили: «мы». Великое чувство единства народовъ, братской сплоченности міра, о которой такъ бесплодно мечтали реформаторы, поэты, пророки,—впервые за тысячи лѣтъ осуществилось теперь. И страшно подумать, что это драгоценное чувство вызвано лишь угрозой штыковъ, что вмѣстѣ съ войной оно кончится, что Марна, Сава, Маастъ снова будутъ для насъ чужды, какъ прежде.

Итъ, это чувство—не вспышка обывательской сентиментальной машиловщины, мы должны лелѣть и холить его, чтобы къ завтраму оно не остыло. Любовь закрѣпляется знаніемъ, но что мы знаемъ о нашихъ союзникахъ? Столько же, сколько они знаютъ о насъ! Намъ нужно наконецъ познакомиться, и вотъ въ этихъ книжкахъ читатель найдетъ статьи славянскихъ, французскихъ, бельгийскихъ, англійскихъ, японскихъ писателей о сближеніи ихъ народовъ съ Россіей, о тѣхъ взаимныхъ житейскихъ-насушнихъ потребностяхъ, которыя крѣпче всего могли бы утвердить нашу связь, о лучшихъ, ближайшихъ путяхъ нашего съ ними сближенія.

Начиная этотъ отдѣлъ статьями сербскаго посланника г. Сполайковича и англійскаго профессора Б. Перса, мы въ ближайшихъ номерахъ журнала предложимъ читателямъ статьи Делькасса, Геда, Мориса Бареса, Ромэнъ-Роллана и др.

Ред.

ВОСПРОИЗВОДИМЪ СТАТЬИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЮЗНЫХЪ НАМЪ ДЕРЖАВЪ БЕЗЪ ВСЯКИХЪ ИЗМѢНЕНІЙ.

БУДУЩІЙ МІРЪ.

(Статья сербскаго посланника М. П. Сполайковича).

ПРУССІЯ была всегда безъ души, следовательно—безъ своей культуры. Съ тѣхъ поръ, какъ Пруссія подчинила своему суверенному вліянію весь нѣмецкій народъ, начала постепенно терять свою душу. Германія: духъ нѣмецкаго народа замѣнилъ прусскій материализмъ, а нѣмецкую культуру—оружейные заводы и казармы.

Подобно тому, какъ гегемонія Пруссіи въ Германіи обозначала отрицаніе старой нѣмецкой культуры, точно такъ же гегемонія современной Германіи въ Европѣ обозначала начало темной реакціи въ Европѣ противъ всего того, что характеризуетъ европейскую гуманность и европейскую цивилизацію. Ежедневныя явленія въ нынѣшней войнѣ,—явленія, недостойныя потомковъ Канта, Гёте и Шиллера,—подтверждаютъ это до такой степени, что и народы, которые остались лишь зрителями этихъ кровавыхъ событій,—за исключеніемъ только двухъ народовъ, души которыхъ сходятся съ нѣмцами,—желаютъ въ глубинѣ своей души разгрома нѣмецкихъ силъ, такъ какъ Германія не только не является нужною для цивилизаціи, а прямо угрожаетъ ей и препятствуетъ ея дальнѣйшему развитію. Современные нѣмцы варварски разрушаютъ лучшіе памятники западной романской культуры, подобно тому, какъ когда-то тевтоны разрушали грандіозныя памятники старой римской культуры. Памятники, въ которыхъ культурный человѣкъ приближался лишь на козлы, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ превращаются въ прахъ и пепелъ мортирами 42 сантим., и этими мортирами современный нѣмецъ безбожно гордится, какъ высшимъ выраженіемъ своей современной культуры. Эти послѣдователи «сверхчеловѣческой морали Ницше» послѣ дикаго разрушенія Антверпена покушались разрушить бомбами Нотр-Дамъ въ Парижѣ.

Австро-Венгрія—лишь отраженіе этой новой нѣмецкой культуры въ миниатюрѣ. Насколько низко стоитъ мораль въ Австріи, Европа узнала изъ вѣнскихъ подѣлокъ «Загребскаго заговора», изъ фальсификаторскихъ продѣлокъ въ процессѣ Фридьонга, изъ вѣнскихъ интригъ въ сербо-болгарской войнѣ и, наконецъ, изъ обмановъ въ дѣлѣ убійства наследника престола Франца-Фердинанда. Сколько не-правильности въ неожиданномъ объявленіи войнъ Сербіи и въ бомбардировкѣ незащищеннаго вначалѣ Бѣлграда, думаю, всѣмъ понятно. Мало того, армія австрійскаго импе-

ратора ничѣмъ не отличается отъ дикихъ ордовъ: въ Шабачѣ, Мачвѣ, Ядрѣ австрійскіе солдаты, по распоряженію своихъ офицеровъ, убивали беззащитныхъ стариковъ, рѣзали дѣтей въ объятіяхъ матерей, насиловали дѣтей женскаго пола и потомъ убивали ихъ, убивали православныхъ священниковъ въ церквахъ... При отступленіи отъ своей же границы они дѣлали то же самое со своими же подданными сербской національности... Когда будетъ собрано все то, что творитъ теперь австрійская армія въ сербскихъ земляхъ: въ Босніи, Герцеговинѣ, Славоніи, Хорватіи, Далмаціи, въ Сръбѣ и Ванатѣ, истинно-культурный міръ вздрогнетъ.

Главная задача нынѣшней войны состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить язычскій духъ германизма въ Германіи и въ Австріи и сдѣлать появленіе его въ будущемъ матеріально невозможнымъ. Насколько это будетъ достигнуто, настолько будетъ обезпеченъ миръ не только въ Европѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Какая судьба ожидаетъ Германію и Австро-Венгрію въ военномъ, экономическомъ и территориальномъ отношеніяхъ, можно лишь пока догадываться, но, какъ бы ни были рѣшены эти вопросы, лучшемъ гарантіей для будущаго развитія человѣчества служить Тройственное Соглашеніе.

Три великія державы: Россія, Франція и Англія, защищаютъ не только свои, но и общія блага. Защищали онѣ, въ особенности Россія, общее благо и въ своемъ историческомъ прошедшемъ. Нынѣшняя война скрѣпитъ навсегда русско-французско-англійское соглашеніе и выработаетъ окончательно солидарность взглядовъ на культурныя задачи Европы у трехъ великихъ народовъ. Во Франціи уже давно почувствовали, что Россія является не только главною гарантіей европейскаго равновѣсія, но что она въ то же время даетъ санкцію культурнымъ стремленіямъ въ Европѣ. Нынѣшнія военныя событія открыли глаза каждому англійскому патриоту на нѣмецкую опасность, которая угрожала Европѣ, и на роль Россіи въ дѣлѣ устраниенія этой опасности. Словомъ, всѣ цивилизованные народы видятъ теперь, что Россія является спасительницей мира. Эта величайшая роль достойна величайшей державы. Эта роль въ будущемъ будетъ завоевывать Россіи симпатію и дружбу великихъ и малыхъ просвѣщенныхъ народовъ. Если бы не было никакихъ другихъ положительныхъ ре-

Разрушенная стѣна въ Бѣлградѣ.

дальтатовъ,—этого было бы довольно для оправданія всѣхъ тѣхъ жертвъ, на которыя Россія рѣшилась, принимая вызовъ дерзкаго и безбожнаго врага. Нынѣшняя борьба—борьба христіанства съ язычествомъ. Изъ этой борьбы явится новая политическая мораль, какъ основаніе будущей международной жизни.

Великій Русскій Царь предвѣстилъ начала этой будущей международной жизни, значительно раньше этой войны, своею возвышенною инициативою въ дѣлѣ созванія первой конференціи мира въ Гаагѣ. Безбожныя стремленія современной Германіи не дали осуществиться одному изъ самыхъ возвышенныхъ плановъ, который могъ возникнуть лишь въ чистомъ христіанскомъ сердцѣ. Милостивый Богъ подаритъ побѣду Великому Русскому Царю и поможетъ Ему вмѣстѣ съ Его благородными союзниками, Французами и Англичанами, осуществить свою мечту—дать человечеству новую организацію. Въ исторіи европейской цивилизаціи это будетъ самое большое политическое дѣло, дѣло, достойное возвышенной души величайшаго и гуманнѣйшаго Монарха.

Петроградъ,
2 ноября 1914 г.

Др. М. И. Сполковничъ.

РУССКІЙ НАРОДЪ И АНГЛІЙСКІЙ.

(Статья проф. В. Pages'a. Переводъ съ рукописи *).

ОБЪ націи въ послѣдніе годы стали такъ быстро обличаться различными своими сторонами.

Можетъ быть, онѣ и сами о томъ не догадывались, но это ясно для всякаго, кто наблюдаетъ ихъ обѣ. Лучшіе инстинкты одной находили родственный откликъ въ лучшихъ инстинктахъ другой. Изъ бы только познакомиться ближе къ этому и стремятся теперь лучшіе умы обоихъ народовъ.

Теперь они оба—товарищи на полѣ сраженія, участники великой войны, которая, по существу своему, есть война противъ деспотизма противъ угнетенія слабыхъ, противъ загнившихъ національных основъ неестественной административной системой, противъ непрестанныхъ опасностей для общеєвропейскаго мира.

Сама Германія лишь тогда возродится, когда она будетъ разбита.

*) Проф. Бернадъ Петръ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ пропагандистовъ англо-русскаго сближенія. Онъ издаетъ журналъ, посвященный этой идее—Anglo-Russia Review. Нынѣ онъ, въ качествѣ корреспондента газеты Times, находится на театрѣ войны.

Эта война есть освободительная война, и возможно, что жизненные стремленія различныхъ племенъ и народовъ, доселѣ заглушаемые мертвящей административной системой, теперь будутъ осуществлены въ полной мѣрѣ. Пусть эти прекрасные порывы самоотверженныхъ патриотическихъ чувствъ, пробужденные настоящей войной въ Россіи, въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи, столь схожіе по своему существу, несмотря на привлекательное разнообразіе характерныхъ расовыхъ чертъ, пусть они послужатъ какъ бы зеркаломъ для каждаго изъ нашихъ народовъ, гдѣ каждый можетъ увидѣть себя и своихъ братьевъ-сородниковъ, постигнуть нравственную дисциплину ихъ традицій, импульсы ихъ природныхъ стремленій. Эта война поможетъ намъ понять другъ друга, она будетъ великой переводчицей.

Въ этомъ смыслѣ я понимаю заглавіе такого изданія, гдѣ каждый нашъ собратъ по оружію могъ бы слышать біеніе сердца своего другого собрата.

СТРАННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦЪ.

РАЗСКАЗЪ.

НИКТО не замѣтилъ, когда этотъ странный человѣкъ появился на пароходѣ, который везъ возвращающихся изъ Швейцаріи, Парижа, Бельгіи русскіхъ путешественниковъ изъ Стокгольма въ Раumo. Да и объяснить, что именно было въ немъ страннаго, никто бы въ точности не могъ. Былъ онъ очень худъ, чѣмъ то напоминалъ большую запуганную птицу. Стоялъ онъ подлѣ трубы съ той стороны, куда менѣе проникалъ вѣтеръ, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ въ потертомъ коротенькомъ пиджачкѣ. Руки его были очень велики, красныя и жилистыя, а на изсиня-блѣдномъ лицѣ съ покраснѣвшимъ отъ холода носомъ, блуждала робкая и жалкая улыбка. Эта-то улыбка, можетъ быть, и заставляла каждаго назвать его страннымъ при первомъ взглядѣ на его жалкую фигуру.

А, между тѣмъ, вѣтеръ крѣпчалъ, и многіе поверхъ пальто нагнули боа и шапки.

Первая замѣтила страннаго незнакомца медичка изъ Льежа. Она же обратила на него всеобщее вниманіе. Послѣ недолгихъ переговоровъ съ нимъ попыталась заговорить. По русски онъ не понималъ, и свою исторію рассказавъ на плохомъ французскомъ языкѣ. Онъ—англичанинъ по происхожденію, но всѣ дѣла имѣетъ теперь въ Россіи. Побѣжалъ въ Англію къ роднымъ, и вотъ застрѣлъ, какъ и всѣ, изъ-за войны...

Пальто и всѣ вещи потерялъ какимъ-то образомъ уже въ Норвегіи или въ Швеціи, куда прибылъ уже нѣсколько дней тому назадъ, но за недостаткомъ денегъ не могъ сразу двинуться дальше.

Пассажиры окружили его тѣснымъ кольцомъ; это все были люди состоятельные, владѣли съ возможнымъ комфортомъ, были сыты и тепло одѣты, и печальный рассказъ незнакомца ихъ сильно поразило. Быстро раздобыли они

ему чье-то поношенное пальто, усадили в самое уютное и теплое местечко, всячески выказывали свою дружбу несчастному союзнику.

Когда прозвонил обданный колокольчик, и все двинулись в столовую, незнакомец, краснел и смущался, откасался итти. Все вспомнили его бдественное положение, быстро устроили складчину и съ торжеством свели его съ дбенки в столовую. За обддомъ все были очень оживлены и съ радостью смотрѣли, какъ жадно насыщались ихъ протежъ. Хозяйка поугая рассказывала, что вернувшись въ Россію, пойдетъ на войну, и возьметъ съ собой своего попочку. Пусть сидитъ на плечѣ во время боя.

— Ахъ меня вамъ не жалко, а попочку моего жалко? Меня можно убить, а попочку моего невозможно убить?—говорилъ онъ на все доводы и возраженія.

Въ другомъ концѣ стола актриса убѣждала шляпного торговца сбрызнуть усы, которые онъ носилъ кверху а la Вильгельмъ.

— Францію, Англію съ такими усами пробхала, съ такими усами и на войну пойду. Патріотизмъ въ сердцѣ долженъ быть, а не въ усахъ,—увѣрялъ онъ.

Незнакомецъ все время молчалъ, что было и неудивительно, такъ какъ разговоръ велся по-русски.

Внезапно странная тишина поразила всехъ.

— Машина не работаетъ, сказалъ кто-то.

Прибѣжала съ палубы горничная и сообщила, что капитанъ просилъ всехъ спуститься внизъ, такъ какъ мы только что миновали мину. Гонора это, она уже втирала кондомъ передника саезы. Наверху слышались послѣдніе шаги, раздавалась команда.

— Господа, успокойтесь, возвысьте голосъ сановникъ, еще до отплытія капитанъ предупреждалъ меня, что такъ будетъ. Мы должны миновать шведскія минныя загражденія. Нашъ пароходъ ведетъ на буксирѣ шведскій лоцманъ.

Онъ говорилъ какъ-то неуверенно.

— Если бы сразу на воздухъ взлетѣть—пустыни. А тонуть, видѣть, какъ другіе тонутъ—ужасно! процентала курсистка.

— Пустыни! старался говорить небрежно, сказалъ писатель и ослѣлся.

Все замолчали. Кто сосредоточенно вѣлъ, кто каталъ хлѣбные шарики. Одинъ сановникъ пытался что-то говорить о неустрашимости англичанъ, а незнакомецъ смотрѣлъ на всехъ, и странная испрїятная улыбка все не покидала его лица.

— Господи, какъ онъ груститъ, думалось каждому, взглянувшему на него, и невольно послѣдно отводили глаза и безъ того встревоженные люди.

Машина не работала минутъ двадцать. Двадцать минутъ, показавшихся вѣчностью. Затѣмъ все стало обычно и покойно. Въ салонѣ кто-то игралъ на роялѣ, кто-то вѣлъ, докторша интимно бесѣдовала съ продавцомъ шляпъ. Онъ заочно называлъ ее «старушкой», но при ней былъ всегда почтительный и любезный.

О незнакомцѣ какъ-то забыли.

Часамъ къ шести вышли вь открытое море, и волнение сразу усилилось. Многие уже разбрелсь по каютамъ. Мужчины развлекались, ходили по прямой линіи, дѣлали какіе-то причудливые па. Докторша рекомендовала всемъ вѣрныя средства отъ морской болѣзни, но внезапно сама сильно поблѣднѣла, и съ помощью шляпного торговца спустилась вь каюту. Только нѣсколько человекъ, плотно закутавшись, сидѣли на палубѣ, и упорно глядя на единственно-неподвижную линію горизонта, вѣли хоромъ.

Незнакомца не было видно. Впрочемъ, среди ночи видѣлъ его мелькомъ еврей-коммерсантъ. Приступы морской

болѣзни только что оставили его, и онъ успѣлъ, когда кто-то осторожно тронулъ его плечо.

— Господи, господи!

Тотъ испуганно вскоцилъ.

— Что случилось?

— Вашего попочку тошнить, вкрадчиво доложилъ по-французски новый пассажиръ, такъ какъ это былъ онъ.

Тогда еврей послалъ къ чорту и незнакомца и своего любимца-попочку, но на слѣдующій день, рассказывая это происшествіе, смѣлся добавлял:

— И еще улыбался, подлецъ! Разбудилъ, сдѣлалъ гадость, и еще улыбается!

Все очень смѣялись,—это было на слѣдующее утро, когда пароходъ снова вошелъ въ шхеры, и все отдыхали послѣ бурной ночи.

Наконецъ, русская земля. Въ Раумо русскіе жандармы производятъ строгій таможенный осмотръ. Особенно строго относятся къ книгамъ и рукописямъ.

Наконецъ, эта процедура окончена, все перѣехали съ пристани на вокзалъ. До поѣзда еще дѣлая вѣчность,— часовъ шесть.

— Что вы такъ мрачны, усачъ? Спрашиваютъ шляпного торговца.

Онъ дѣлаетъ загадочное и значительное лицо. Только послѣ долгихъ уговоровъ, онъ рѣшается сказать въ чемъ дѣло.

— Очень испрїятно, господа... Нашъ новый пассажиръ сейчасъ говорилъ по-нѣмецки, конфиденціально сообщаетъ онъ.

Курсистки хохочутъ, хохочетъ и актриса.

— Боже мой, да кто же не говоритъ по-нѣмецки? Англичанщина, это такъ понятно... такіе близкіе языки.

— Почему же онъ не сказалъ намъ, что говоритъ по-нѣмецки? несутся протестующіе голоса.

— Въ такое время радости нѣтъ знать нѣмецкій языкъ. Нѣтъ, господа, у насъ какал-то шпиономанія...

Какъ-бы то ни было, отправляясь въ городъ пообѣдать и отдохнуть до отхода поѣзда, никто не позвалъ съ собой незнакомца. Да онъ казалось и не желалъ этого, держась упорно въ сторонѣ.

Теперь уже не дѣлая на группы, все турьбой отправились въ гостиницу. Заняли большой столъ у окна и въ ожиданіи горячей вды, закусывали у стойки селедками, свежлой, какими-то колбасами. Снова было уютно и весело, и все чувствовали себя снова въ своей семьѣ.

Къ концу обѣда въ залу вошелъ высокій, еще болѣе жалкій въ куцомъ не по-плечу, чужомъ пальто, новый пассажиръ. Съ нимъ вмѣстѣ вошли еще два какихъ-то господина, громко разговаривая. Незнакомецъ испуганно вскинувъ глазами на русскихъ, неловко имъ поклонился, и занялъ со своими товарищами столы въ сторонѣ.

— Они говорили по-нѣмецки,— сказала актриса.

— Да нѣтъ же, по-англійски. Это такіе близкіе языки, вмѣшалась медичка.

— По-англійски? Усмѣхнулся шляпный торговецъ. Въ Раумо—англичане, интересно! Ахъ, просто не знаю, что дѣлать...

— Какъ, что дѣлать?... спросилъ было кто-то, но вдругъ всемъ стало неловко, и, не глядя другъ на друга, послѣдно окончили обѣдъ.

Отдохнувъ въ плохенькихъ номерахъ при этой же гостиницѣ, все двинулись обратно на вокзалъ.

— Надо мужу дать телеграмму, что завтра утромъ прїѣду, спохватилась одна изъ петроградскихъ дамъ.

Въ дверяхъ телеграфа столкнулись снова съ страннымъ незнакомцемъ. Онъ былъ одинъ.

— Скажите, пожалуйста, вы подавали телеграмму, на какомъ языкѣ здѣсь принимаютъ?.. затораторила-было актриса.

Незнакомецъ смутился. И даже всегда блѣдное лицо его вспыхнуло.

— Не знаю... я не давалъ телеграммы... я думаю... задепетаъ онъ.

И снова стыдъ и неловкость охватили всѣхъ. Въ молчаніи пришли они на вокзалъ, безъ обычного смѣха и говора заняли мѣста въ поѣздѣ, инстинктивно стараясь только держаться вмѣстѣ, какъ стадо овецъ. Само собой такъ вышло, что незнакомецъ оказался въ купѣ, вмѣстѣ съ московскимъ сановникомъ, который по-прежнему держался особнякомъ.

Послѣдняя ночь въ пути. Утромъ встали передъ самымъ Блоостровомъ. Шли кофе, таможенный осмотръ, котораго всѣ, какъ полагаются, опасались, прошелъ спокойно. Страннаго незнакомца старались не замѣчать, да онъ почти и не показывался изъ своего купѣ. Долго всѣ прощались, обмѣнивались адресами и клятвами въ вѣчной дружбѣ. Немного поновольвались исчезновенію шалаша торговца, но онъ снова явился, и всѣ успокоились.

Петербургъ становилось непереносимымъ, а поѣздъ все стоялъ и стоялъ. Наконецъ, внезапно явились жандармы и во второй разъ стали отбирать паспорта.

— Зачѣмъ это? спросила было актриса.

— Такая неприятность, отвѣтилъ жандармъ, очень большая неприятность...

Только въ купѣ, гдѣ сидѣлъ незнакомецъ, полиція задержалась подольше.

Весьма любезно жандармъ предложилъ ему съѣздить за ними. Находящійся въ купѣ сановникъ съ семействомъ съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ все съ той же жалкой и страшной улыбкой незнакомецъ поднялся, всталъ, хотѣлъ было снять пальто, но жандармъ остановилъ его.

— Пожалуйста въ чемъ были...

И тотъ, будто понявъ по-русски (да вѣдь у него торговля дѣла въ Россіи), снова патнулъ снущенный рукавъ и, неловко поклонившись своимъ спутникамъ, вышелъ вслѣдъ за полиціей.

Поѣздъ тронулся, и быстро помчалъ русскихъ въгледовъ къ далекому и милому Петрограду.

Сергій Ауслендеръ.

ПЕТРОГРАДЪ — ЗАЩИТНИКАМЪ РОДИНЫ.

Плакатъ художника С. В. Чаговна.

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕТОПИСЬ

НАРОДНОЙ ВОЙНЫ.

Еженедельный иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всеми выдающимися событиями мировой жизни и даетъ ихъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. ■ Возникая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной летописью НАРОДНОЙ ВОЙНЫ. ■ Изъ номера въ номеръ дается полный и систематическій обзоръ военныхъ дѣйствій НА СУШѢ, НА МОРѢ И НА ВОЗДУХѢ; текстъ иллюстрируется картами, портретами, фотографіями и рисунками съ натуры. ■ Журналъ имѣетъ спеціальныхъ фотографовъ и художниковъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, М. Добужинскій, Франсуа Дюмонъ (F. Dumont), Д. Кардовскій, Б. Кустодіевъ, В. Левитскій, Г. Нарбутъ, А. Радаковъ, Ре-ми, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, О. Шарлеманъ и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. Н. Бенуа, Ал. Блокъ, Ив. Бунинъ, Г. Вильямсъ (Dr. H. Williams), Г. Григорьевичъ, Н. Н. Евреиковъ, М. Дамаскскій, Л. Добронравовъ, Влад. Гиппиусъ, Е. И. Замятинъ, А. Измайловъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Мавлановъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, проф. Б. Персъ (Benoard Pears), С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рысь, Федоръ Сологубъ, В. В. Станкевичъ, П. В. Струве, В. Танъ, Н. Д. Телешевъ, А. В. Тыркова, Тэффи, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковскій, А. М. Федоровъ, П. Е. Щеголевъ и др.

«ОТЕЧЕСТВО» печатается въ художественной типографіи «ЯКОРЬ».

Подписка принимается во всѣхъ мѣстахъ по пріему подписки на журналы.

Подписная цѣна съ доставкой: до конца года 1 р. 10 к.

Въ отдѣльной продажѣ 15 коп. номеръ.

На станціяхъ жел. дорогъ—20 к.

Редакторъ-издатель З. И. ГРЯБИНЪ.

РЕДАКЦІЯ: Петроградъ, Бассейная, 60.
Тел. 70-00.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Б. Болотная, 10.
Тел. 159-33.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, «ОТЕЧЕСТВО».

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Король, Законъ и Свобода.

пѣса въ 6 картинкахъ.

изданіе журнала «ОТЕЧЕСТВО».

Петроградъ, Б. Болотная, 10.

цѣна 60 коп.

ВОЙНА въ ЦИФРАХЪ.

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной исторіи.

Сост. Р. М. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность армій.—Напряженность и колебанія отд. войнъ.—Причины, обуславливающие исходъ войнъ.—Кровопрлитныя сраженія.—Осады. Потери людьми и матеріальными.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатъ и офицерами, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

изданіе журнала «ОТЕЧЕСТВО».

цѣна 50 коп.

Заглавный рисунокъ на 2-ой стр. обложки—М. Добужинскаго.

РЕДАКЦІЯ журнала «ОТЕЧЕСТВО» приглашаетъ фотографовъ, профессионаловъ и любителей, присылать фотографіи, относящіяся къ нынѣшней отечественной войнѣ. При посылкѣ фотографій просятъ не стѣсняться качествомъ исполненія; лучше въ нѣкоторыхъ случаяхъ посылать самыя негативы. Должны указывать размѣръ желаемого гонорара.

Въ ближайшихъ номерахъ будетъ данъ дѣльный рядъ оригинальныхъ фотографическихъ снимковъ военныхъ событій, полученныхъ журналомъ отъ своего собственнаго корреспондента-фотографа.

Германия объявила об аннексии
Бельгии. (Из газеты).

— ВИДИ, НЕУЖЕЛИ ЭТОГЪ КОРШУНЪ—ТОГЪ ОРЕЛЬ, КОТОРАГО Я ТЕБѢ ОСТАВИЛЪ?